

*Гендерные исследования в социальной психологии:
границы поля*

Дмитрий Воронцов

Методология гендерного исследования общения является одной из наиболее проблемных областей социальной психологии. В отечественных работах широко распространен псевдогендерный подход – простое распределение получаемых эмпирических данных по гендерным группам, образованным по признаку биологического пола (т.е. гениталий). На первый взгляд, простое деление выборки на мужскую и женскую полностью отвечает вышеупомянутому критерию выделения гендерных групп – по половому (генитальному) признаку. Однако зачастую в основе такого разделения лежит принцип биологического детерминизма, которого осознанно или неосознанно придерживается при интерпретации полученных результатов тот или иной автор. Чем же отличается классическая методология анализа фактора пола в психологическом исследовании от гендерного исследования?

Классическая научная традиция основывается на представлении о том, что биологический пол является объективно существующей формой телесной организации индивида, которая находит отражение в социальных формах общения и взаимодействия. Социальные аспекты связанного с полом поведения, личностные особенности, проявляемые в общении, выступают здесь всего лишь «культурным фасадом» или «надстройкой» над анатомо-физиологической структурой и психофизиологическими процессами. Согласно классической методологии анализа, в основании любых социально-психологических феноменов в сфере сексуальности, всегда лежит некая биологическая сущность, зафиксированная в генетических и психофизиологических процессах. Гендер, понимаемый в качестве социокультурной формы реализации биологической сущности, в социально-психологическом аспекте фактически сводится к совокупности асимметричных и взаимодополняемых моделей (паттернов) общения, а само исследование приобретает описательный характер данных гендерных различий, нередко с сильным нормоцентристским уклоном («соответствует» или «несоответствует» та или иная модель биологическому «предрасположению» к определенным эталонам общения и взаимодействия).

Методологическим основанием классической традиции анализа гендерных различий в общении является упомянутая в первом разделе полоролевая концепция Парсонса-Бейлза. Понимание гендера как совокупности социальных ролей или культурных моделей общения в методологическом отношении достаточно проблематично (Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, 2007). Основываясь на идее Э. Дюркгейма о связи общественного разделения труда с взаимодополняющими природными различиями полов, они утверждали, что в силу биологических причин женщины выполняют в социальной системе экспрессивную роль, а мужчины – инструментальную. Эти роли, предзаданные самим фактом существования двух полов, закрепляются в социальных стереотипах, культурных нормах и социальных ожиданиях, и тем самым приобретают социальное бытие. Предметом изучения социальных психологов в таком случае оказываются процессы развития полового самосознания, реализующиеся посредством полоролевой социализации и усвоения культурных норм, а также – половая стереотипизация и вычленение особенностей социально-группового восприятия объективно существующих различий. Самостоятельное, не связанное с биологическими основами, социально-психологическое исследование половой составляющей личности в классической науке становится невозможным, потому что социальные характеристики пола рассматриваются ею в качестве факторов «вторичной» причинности, маскирующих нечто изначально несоциальное.

Под социальной ролью понимается поведение, ожидаемое от человека, имеющего определенный статус в социальной системе или в межличностных отношениях (Платонов Ю.П., 2004). Другими словами, она есть функция социального статуса личности, реализуемая в социальных ожиданиях, нормах и санкциях, а также в социальных и индивидуальных представлениях (когнитивных схемах). При этом ролевой репертуар личности подвижен и гибок, поскольку личность в современной социальной системе обладает относительной автономностью и одновременно может принадлежать самым разным социальным группам, актуализирующимся в той или иной ситуации общения и взаимодействия. Если половые роли являются разновидностью социальных ролей, то они, по аналогии, также должны быть связаны с социальным статусом личности определенного пола. Однако поскольку пол в классической науке изначально полагается объективным феноменом с предзаданным существованием, то половые роли имеют строго ограниченное (биологическими возможностями) содержание, являются предписанными по способу получения и формализованными (могут осуществляться только в определенных рамках). Таким образом, половые роли в концепции Парсонса-Бейлза относятся к предзаданным, неизбежным для исполнения и фундаментальным для существующей социальной системы (их нарушение грозит дисфункцией системы отношений и ее распадом). Конформность по отношению к предписанным половым ролям демонстрирует «успешную» социализацию личности, а «нетипичные» половые роли являются следствием несовершенной или неадекватной социализации.

Вместе с тем, в полоролевой концепции гендера имеется серьезное упущение: нормативность социальной роли зависит от места, которое занимает ее исполнитель во властной структуре общества, от возможностей устанавливать свою роль в качестве обязательного для подражания образца – в ней упускается важный аспект властного измерения социальной системы. И если мы ставим под сомнение предзаданность полового диморфизма и рассматриваем его как один из социальных конструктов, в этом случае стройность концепции Парсонса-Бейлза нарушается.

В методологическом аспекте полоролевая концепция сводит гендер к одному из его социально-психологических проявлений – гендерным стереотипам (схемам восприятия). Гендерные стереотипы (схемы) действительно существуют. Они эффективны в определении социально обусловленных различий между мужчинами и женщинами, потому что следование стереотипам вознаграждается, а отклонение – наказывается другими людьми. Но на основании чего складываются именно такие стереотипы? Фактически, ролевая концепция гендера является нормативной теорией пола, в которой сам социальный пол выступает в виде стандартного нормативного случая поведения большинства людей в обществе. При этом реальное поведение зачастую «выпадает» из контекста социально-психологических исследований, а изменения содержания половых ролей вообще никак не могут быть объяснены социальными факторами, потому что роли непременно оказываются привязанными к биологической основе «взаимодополнительности» мужского и женского поведения. Привязка полоролевой концепции к биологической дихотомии пола человека в конечном итоге приводит к асоциальному пониманию гендера, что не позволяет дать непротиворечивое социально-психологическое понимание феномена пола. Выходом из такого методологического тупика в социальном познании пола становилось простое признание «исторически сложившегося способа общения и взаимоотношений индивидов в зависимости от их половой принадлежности» (В.В. Абраменкова, 1987. с. 70).

Вместе с тем, полоролевая концепция вполне вписывается в первоначальную трактовку термина гендер, предложенную Р. Столлером. Ведь с его помощью обозначались социокультурные представления о личности мужчин и женщин, связывавшие психологические особенности с половой принадлежностью человека, объективность существования которой еще не ставилась под сомнение. Поэтому даже в тех случаях, когда пол как биологический феномен и гендер как социальная конструкция авторами все же различаются, наличие двух противоположных гендеров (мужского и женского) нередко воспринимается как социокультурное или субъективное отражение природной и неизменной данности: двух биологических полов, которым соответствует то или иное обусловленное природой содержание связанных с полом социальных ролей (О. И. Ключко, 2007). Но от этого исследование не становится «негендерным» в

первоначальном содержании термина «гендер». Да, при этом может потеряться важная характеристика сексуальности человека, для обозначения которой возник сам термин «гендер» как альтернативный биологическому детерминизму способ описания пола/гендера личности. Но преодоление такой опасности оказалось возможным только при употреблении нового термина в рамках социально-конструктивистской методологии, которая приобрела доминирующее влияние в социальных науках гораздо позднее. Редукция гендера к природному основанию в корне противоречит именно конструктивистскому смыслу, с которым ассоциируется устоявшееся в западной науке представление о гендерном анализе.

Исследование гендерных схем восприятия мира и личности вписывается в предложенный Р. Столлером социально-психологический анализ феномена сексуальности и имеет все права называться гендерным в рамках классической научной парадигмы. Если гендер – это система представлений о биологическом поле, то систематизация и структурирование составляющего их знания на психологическом уровне осуществляется на основе когнитивных схем – способов связывания отдельных блоков информации друг с другом. Сначала для обозначения схематизированного восприятия в процессе общения и взаимодействия людей использовался введенный социологом У. Липпманом термин «стереотип». Этот термин имел узкий смысл эмоционально окрашенного восприятия члена какой-то социальной группы с акцентом на негативном содержании имеющегося образа. У. Липпман полагал, что негативное, предубежденное, неточное восприятие партнера по социальному взаимодействию всегда возникает на основе недостаточной информированности. Во всех остальных случаях допускалась возможность «объективного» социального восприятия, свободного от стереотипности: неточности и предвзятости. Однако пристрастность восприятия и его связь с системой отношений личности не позволяют думать, что принципиально свободное от схематизации социальное восприятие партнера по общению является широко распространенным явлением. В сочетании с идеями социального конструктивизма, все социальное восприятие базируется на схематизации реальности, которая может быть более или менее точной или развернутой. Именно по этой причине в современной социальной психологии термин «стереотип» становится все менее привлекательным как не вполне точный термин для обозначения одного из аспектов социальной перцепции. Его место занимает термин (когнитивная) «схема».

Гендерная схема – разновидность социальной схемы восприятия пола и сексуальных предпочтений личности. Источником любых когнитивных схем социального восприятия в общении выступает культура, те или иные ценности, которые определяют пристрастность взгляда: на что стоит и на что не стоит обращать внимание и как следует интерпретировать то, что мы видим. На социальном уровне гендерные схемы выполняют идеологизирующую (оправдывают поведение членов гендерной группы) и идентификационную функцию (способ-

ствуют созданию и сохранению образа гендерной группы). Именно поэтому на социально-психологическом уровне они оказываются взаимодополняющими и взаимоподкрепляющими в социальной системе, основанной на принципе дихотомического восприятия пола.

В наиболее развернутом виде социально-психологическая теория гендерной схемы была разработана С. Бем (S. Bem, 1993). Гендер как зафиксированная в культуре совокупность (*схема*) личностных качеств и способов социального взаимодействия, с которой соотносит себя каждый индивид определенного пола, упорядочивает и типизирует индивидуальный опыт, а также организует и типизирует поведение мужчин и женщин. Гендерная схема представляет собой связную систему представлений, сквозь призму которой личность воспринимает и трактует любую информацию, связанную с половой принадлежностью. На индивидуальном уровне человек самостоятельно моделирует собственное поведение, произвольно комбинируя качества и способы взаимодействия, пользуясь имеющимися в культуре гендерными схемами. Поэтому некоторые люди демонстрируют выраженную «гендерную схематичность», потому что они во всем полагаются на типичные образцы соответствующих качеств и модели поведения, тогда как другие уделяют меньше внимания точному воспроизведению готовых образцов, усваивая то, что им кажется более подходящим из разных гендерных схем.

Гендер как система представлений («гендерная линза», по определению С. Л. Бем) является неотъемлемой частью культурного дискурса (реальной практики использования языка, в который заложены гендерные различия в виде грамматических родов и правил их употребления) и социальных практик общения, взаимодействия и деятельности людей. И в этом случае он имеет множественные формы проявления, которые не сводимы только лишь к совокупности половых ролей, предписанных обществом по признаку пола. Гендером будет и специфический язык общения, и разделение труда между мужчинами и женщинами, и распределение властных отношений, и система ценностей и многое другое. Реальность и ее конструкт (*схема*) оказываются неразрывно слитыми, что приводит к восприятию гендера не в качестве социального конструкта, а как «естественного» состояния личности. Сомнения в «естественности» того или иного гендера возникают только в ситуациях «гендерной тревоги», например, когда конструирование собственного поведения и личности вдруг входит в значительное противоречие с нормативным образцом, или когда человек сталкивается с альтернативным способом конструирования гендерной реальности в другой культуре.

Повседневные практики социальной жизни, таким образом, ограничивают возможности произвольного использования образцов социального взаимодействия и сочетания личностных качеств мужчинами и женщинами, но однозначно не предписывают абсолютного следования доминирующим гендерным моделям.

Последнее предполагает, что в обществе всегда есть возможность формирования «нетипичных» гендерных схем, отношение к которым со стороны других членов общества будет иметь только политическую и моральную основу.

Концепция гендерной схемы С. Бем удачно накладывается на первоначальное представление о гендере как социальной надстройке над биологическим полом, что дает возможность объявить именно ее методологической основой гендерных исследований общения. Поэтому многие исследования, называемые гендерными в социальной психологии, центрируются исключительно на выделении содержательного многообразия гендерных схем, представленных в различных социальных группах и ситуациях социального взаимодействия, оставляя за скобками механизмы их формирования.

Вместе с тем в теории гендерной схемы есть важное замечание, ставящее под сомнение субстанциацию репертуара гендерных ролей в биологическом диморфизме полов. Как социальный психолог, С. Бем обращает внимание на скрытые в культуре базовые предположения о «естественности» гендера, задающие восприятие его как «естественного» феномена. Эти предположения она назвала «гендерной линзой», что существенно изменяет понимание термина «гендерная схема». Схема может отражать некоторую реальность, тогда как линза задает видение этой реальности. С. Бем в своей книге утверждает, что гендерная линза не только формирует восприятие реальности, но формирует саму реальность гендерных отношений. Она перечисляет три вида таких линз: 1) *андроцентризм*, задающий восприятие мужчины и мужского опыта как стандартного и нормального, а женского – как девиантного, подчиненного этой норме; 2) *гендерная поляризация*, которая преувеличивает реальные психологические различия между мужчинами и женщинами во всех аспектах человеческого опыта, скрывает их социальное происхождение и фиксирует их в материальных вещах (стили одежды, способы выражения эмоций и сексуального желания); 3) *биологический эссенциализм*, объясняющий и легитимирующий две предшествующие линзы через объявление их неизбежным последствием внутренней биологической природы мужчины и женщины.

Содержание линзы биологического эссенциализма более подробно раскрыто в исследовании случая транссексуала Агнесс Г. Гарфинкелем (Garfinkel H., 1967). Социальный антрополог Гарфинкель выделил ряд установок, которые формируют наше «естественное» отношение к гендеру как отражению биологического пола:

1. Есть только два пола (мужчины и женщины).
2. Пол человека не может меняться (мужчина всегда был и остается мужчиной, то же – женщина).
3. Гениталии – это существенный признак пола.

4. Любые отклонения от двуполости – не более чем курьез (шутка, патология и т.п.).
5. Никаких переходов из одного пола в другой не существует (если это только не маскарад).
6. Любой человек должен быть или мужчиной, или женщиной (нет случаев, когда бы пол не был определен).
7. Разделение на мужчин и женщин – естественное (мужчины и женщины являются таковыми независимо от того, каковы критерии их определения).
8. Членство в половой группе – естественный феномен и не зависит от желания человека.

Будучи подверженными влиянию линзы биологического эссенциализма, гендерные исследователи, остающиеся в рамках классической науки, воспроизводят в своем дискурсе «естественное» отношение к гендеру. Но если они «забывают» о наличии гендерных линз при интерпретации получаемых ими данных, можно ли на самом деле считать эти исследования «по-настоящему» гендерными? Одним из наиболее удачных путей преодоления влияния гендерных линз многие западные исследователи гендера считают анализ ненормативных способов реализации сексуальности: транссексуальность или гомосексуальность (Crawford M., 2000). Но не в клиническом русле, в котором работал Р. Столлер, а предполагая, что транссексуалы (трансгендеры) дают возможность увидеть то, как создается гендер в социальном взаимодействии. Для большинства людей процесс создания гендера в социальном взаимодействии является скрытым, он осуществляется нами бессознательно. Для трансгендеров и в какой-то мере для гомосексуалов этот процесс всегда осознаваем и находится в центре их внимания. Согласно теории С. Бем, каждая личность в одно и то же время «надевает» на себя культурные гендерные линзы и конструирует собственный (личный) гендер (как представление о себе), которое может быть конвенциональным (конформным доминирующим представлениям) и неконвенциональным (нон-конформным, «нетипичным»). Поскольку гендерная схема связана с социальными (гендерными) ожиданиями, любой человек для успешного социального взаимодействия должен реализовывать представления о себе в качестве представителя определенной гендерной группы с учетом ожиданий партнеров по взаимодействию. Для полотилических личностей риск неподтверждения собственного гендера минимален, поэтому они мало озабочены собственными презентациями, они полагают, что их гендер «очевиден». Неправильная атрибуция рассматривается ими как случайность. Поэтому анализ гендерно специфических способов общения «типичных» представителей не дает возможности увидеть социально-психологические механизмы их формирования.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии, что же все-таки считать «настоящим» гендерным исследованием, при определении характера исследования в качестве гендерного или так называемого «псевдогендерного» логично исходить из истории возникновения такого направления научного анализа социальной реальности. Исторически, гендерные исследования сложились в англоязычной науке в ходе эволюции т.н. «женских» исследований (Е. Ярская-Смирнова, 2001). Собственно, сам термин «гендерные исследования» и возник только в 1980-е годы – десятилетие спустя после его введения в научный лексикон. Женские исследования как научное направление нередко связывают с развитием феминизма как социального движения, которое со временем распространилось на критику оснований традиционной науки и высшего образования. Несмотря на дискуссионный характер влияния женского движения на женские исследования, появление академического феминизма, с которого начинается радикальный пересмотр привычных теоретико-методологических оснований социальных наук, было связано с выходом в свет книги Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949). Эта автор отчетливо сформулировала центральный тезис, определивший направленность феминистской критики науки: тезис о мужском доминировании и гендерной асимметрии в культуре.

Однако женские исследования, будучи жестко связанными с феминизмом, не давали возможности распространить критику традиционного биодетерминистского взгляда на сущность и иные проявления человеческой сексуальности, не связанные с женским личностным и социальным опытом (например, на мужчин и их сексуальные предпочтения). Что и привело, в конечном счете, к возникновению более широкого научного направления – гендерных исследований (Т. де Лауретис, 1998).

Возникновение гендерных исследований из женских определяет то обстоятельство, что гендерные исследования, в первую очередь, используют методологию *феминистской теории*, а через нее – и ряд других неклассических (критических) методологий, многосоставное сочетание которых дает основание говорить о наличии специфической гендерной методологии анализа.

Методологическим принципом феминистской теории выступает постулирование отсутствия внеисторической и эссенциальной (сущностно неизменной) характеристики системы отношений, выстраиваемой в сфере сексуальности человека. Другими словами, в феминистской теории не существует особой женской или мужской сущности, нет изначально заданного и навеки предопределенного женского или мужского социального и психологического типа. В ней отрицается наличие причинной зависимости между мужской и женской телесной (и психофизиологической) организацией и социально-психологическими характеристиками личности. Система отношений, которая складывается между людьми с разными анатомо-физиологическими характеристиками, сексуальными предпо-

чтениями и ориентацией на те или иные модели поведения (гендерные роли) не может быть понята и объяснена без учета властного измерения (доминирования и подчинения, паритета и неравенства, фаворитизма и дискриминации). Тезис об инкорпорированности властного измерения в систему гендерных отношений является ключевым признаком гендерной методологии анализа общения. В современном обществе отношения мужского и женского являются отношениями различия, сконструированного как неравенство социальных возможностей, и властная асимметрия отношений подчеркивается разницей в гендерно специфичных паттернах общения, которые на самом деле маскируют дискриминацию под гендерное различие (Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, 2007).

Феминистские идеи отсутствия предзаданной сущности и важности анализа властного измерения отношений в гендерной методологии сочетаются с *социальным конструктивизмом* П. Бергера и Т. Лукмана, *этнометодологией* Г. Гарфинкеля и *драматургическим интеракционизмом* И. Гофмана (Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, 2007). Согласно принципу социальной сконструированности бытия человека, гендер является системной характеристикой социальных отношений в сфере сексуальности, которая возникает и существует в общении и воспроизводится в социальных представлениях и структуре межличностного взаимодействия, которую составляют основные социальные институты.

В психологии механизмы социального конструирования гендера зачастую сводятся к процессу социализации, соответственно, гендерные исследования превращаются в поиск половых различий, возникающих в процессе социализации. Однако представление о социальном конструировании гендера существенно отличается от классической теории половой социализации, разработанной в рамках полоролевого подхода Т. Парсонса, Р. Бейлза и М. Комаровски. Здесь подчеркивается активность личности в создании гендерных отношений, а не простое усвоение и воспроизводство социальных норм. Человек воспринимает гендерные отношения как объективную реальность, тогда как на самом деле они имеют субъективную природу, будучи каждодневно и ежеминутно конструируемы в процессе межличностного общения и социального взаимодействия.

Отличительным признаком гендерной методологии, опирающейся на принцип сконструированности реальности социальных отношений, является акцент на том, что в процессе межличностного общения и социального взаимодействия гендерные отношения конструируются как диспаратетные, подразумевающие неравенство социальных возможностей, а не простое распределение взаимодополняющих социальных ролей (инструментальных и экспрессивных) между представителями различных гендерных групп. Неравенство социальных возможностей (а именно доступ к ресурсам и возможность самостоятельно ими распоряжаться) проявляется в различных сферах (экономических, политических, личных интересов) и вытекает из неравенства социальных статусов гендерных групп и их представителей. Именно это неравенство социальных статусов и вос-

производится в процессе межличностного общения, определяя психологические различия представителей пяти гендерных групп.

Этнометодологический принцип, реализованный в концепции Г. Гарфинкеля, обращает внимание на то, что процесс социального конструирования гендера осуществляется в повседневном общении на межличностном уровне. Именно в повседневном общении создается, утверждается и воспроизводится представление о многообразии мужского и женского как базовых категориях социального порядка. Механизмом конструирования гендера в процессе общения является процедура *приписывания* (категоризация по полу) на основе демонстрируемых гендерных признаков. Каждому человеку в процессе общения с партнерами постоянно приписывается принадлежность к определенной гендерной группе (гендерная идентичность). Эта процедура осуществляется в соответствии с принятыми («правильными») внешними проявлениями, которые должны свидетельствовать о принадлежности общающихся к определенному гендеру. Приписывание личности гендерной идентичности в ситуациях общения происходит постоянно, но воспринимается людьми как проявление в общении некоей биологической сущности. Вместе с тем, правила демонстрации (самопредъявления) гендерных характеристик личности в общении связаны с нормами и ценностями социальной группы, к которой принадлежит человек. Поэтому гендер всегда конструкт той культуры, в рамках которой складываются те или иные отношения в сфере сексуальности.

Таким образом, в гендерной методологии постулируется атрибутивный характер гендерной идентичности. Она выходит за пределы дуалистического понимания биологического пола как аскриптивного статуса, а гендера – как достигаемого статуса. Классический взгляд на гендер как достигаемый в процессе социализации статус предполагает, что гендер может быть изменчив, пока он не сформируется до пятилетнего возраста, после чего возможно только укрепление и обогащение содержания репертуара гендерных ролей. Этнометодологический же принцип анализа утверждает, что гендер во всех своих проявлениях всегда изменчив, поскольку он является результатом общения, требующим постоянного исполнения и подтверждения; он не достигается раз и навсегда в определенный возрастной период. Более того, гендер личности далеко не всегда совпадает с той гендерной идентичностью, которая приписывается ей в конкретной ситуации общения, что побуждает человека (если ситуация общения является значимой) изменять предъявляемые партнерам гендерные характеристики во избежание коммуникативного сбоя, «примерять» на себя другую гендерную модель поведения (самопредъявления), т.е. «менять» свой гендер.

В рамках *драматургического интеракционизма* подробно описана интерактивная сторона общения как механизма создания гендера (Goffman E., 1997). Сам создатель этого теоретического направления придерживался мнения, что гендер – это всего лишь культурный коррелят биологического пола, который

существует в виде конвенциональных (общепринятых) моделей поведения, которое структурируется как взаимодействие двух социальных актеров (партнеров по взаимодействию). Такую модель поведения И. Гофман назвал *гендерным дисплеем* – проявлением разнообразных форм мужского и женского в межличностном взаимодействии. Гендерный дисплей не сводится к идеальным образцам поведения (наподобие гендерной схемы на культурном уровне в концепции С. Бем). Это представление (перформанс) своей половой принадлежности и сексуальных предпочтений, уместное лишь в конкретной ситуации взаимодействия. Оно всегда ориентировано на конкретного партнера по общению, который может правильно распознать проявляемые личностью характеристики как маркеры определенной гендерной группы.

Включение понятия гендерного дисплея в социально-конструктивистскую канву феминистского анализа в рамках гендерной методологии изменяет лишь трактовку обнаруженного И. Гоффманом явления. Гендерный дисплей полагается здесь не выражением биологической сущности пола, как в оригинальной трактовке самого создателя драматургического интеракционизма, а детерминированной культурными нормами формой самопредъявления гендерных характеристик личности. При этом важным условием гендерного самопредъявления другому оказывается именно властное измерение складывающихся межличностных отношений. Нарушение конвенции о допустимых способах предъявления в межличностном взаимодействии своей половой принадлежности и сексуальных предпочтений грозит санкциями, но в то же самое время оно способствует возникновению новых конвенций, если общающиеся партнеры не интерпретируют такие нарушения в качестве признака социальной некомпетентности или открытого нарушения гендерных норм.

Гендерный дисплей как конкретная модель взаимодействия двух общающихся партнеров, проявляющих себя в качестве мужчины или женщины с определенными сексуальными предпочтениями, предполагает наличие между партнерами убежденности в том, что весь проявляемый ими комплекс гендерных маркеров обладает целостностью, постоянством, когерентностью и преемственностью, а также является вполне приемлемым для представителя той или иной гендерной группы. Но поскольку восприятие гендерного дисплея партнера по общению преимущественно основывается на предполагаемой предзаданности природной сущности мужчины и женщины, все многообразие гендерных самопредъявлений сводится к доминирующим нормативным гендерным категориям. В этом случае средства, которыми люди пользуются для выражения своих гендерных характеристик, сводятся к формальным конвенциональным актам взаимодействия: предъявить себя в ожидаемом со стороны партнера качестве, чтобы уместностью для конкретного контекста определенной формы поведения вызвать доверие партнера по общению и гарантировать признание себя как нор-

мативного субъекта, с которым можно иметь дело (которого можно объяснить и понять). Таким образом в гендерном дисплее воспроизводится дихотомия мужского и женского, гарантирующая сохранение сложившегося гендерного порядка на социальном уровне отношений.

Динамика же гендерных проявлений в общении возможна по той причине, что фактически гендерный дисплей в общении часто срабатывает как «триггер», запускающий взаимодействие. После того, как у партнера сложилось представление о нас как о «нормальной» личности, мы можем разворачивать в общении дальнейшее содержание своего дисплея без серьезной угрозы для состоявшейся категоризации по признаку пола и сексуальных предпочтений. Но только в том случае, если мы не забываем, что процесс оценивания нашего гендерного дисплея осуществляется партнерами постоянно, и это требует периодического возвращения к демонстрации формальных конвенциональных актов. Если сам И. Гоффман полагал, что роль гендерного дисплея в общении ограничивается функцией «триггера», обеспечивающего «узнавание» в нас предзаданной природной сущности, то в рамках социально-конструктивистского анализа в методологии гендерного исследования постулируется проникающая способность гендера постоянно определять характер взаимодействия в общении. Такая проникающая сущность гендера связана, прежде всего, с дискурсивным строением речи и использованием грамматических форм родов, закрепляющих женственность и мужественность как статичные, неизменные формы.

С. Кесслер и У. Маккена в отличие от И. Гоффмана полагают, что главным в общении является не демонстрация гендерных маркеров, а процесс восприятия партнерами нашего гендерного дисплея (S.J. Kessler, W. McKenna, 2000). Поскольку гендерный дисплей – это всего лишь начальная фаза создания гендера во взаимодействии, с ней связана первичная гендерная атрибуция. В дальнейшем любое проявление гендера во взаимодействии отфильтровывается воспринимающими через эту первичную гендерную атрибуцию. При этом воспринимающий придерживается естественного отношения к гендеру как чему-то неизменному. Создав первое впечатление о своем гендере, перформируемому субъекту достаточно продемонстрировать «естественность» своего гендера. Именно другие (партнеры) начинают поддерживать гендерную атрибуцию, если только субъектом, проявляющим свой гендер, не будет допущена какая-то фундаментальная ошибка. Приписав кому-то гендер один раз в процессе общения, мы, по мнению С. Кесслер и У. Маккена, и далее будем сохранять эту атрибуцию. Как и после дискредитации гендера в результате фундаментальной ошибки все и дальше будет работать именно на эту дискредитацию.

Таким образом, можно вести речь о наличии двух различающихся методологических подходов к гендерному анализу процесса общения: классическому и неклассическому. При этом именно неклассический подход фактически пред-

ставляет собой особую гендерную методологию, основанную на теории социального конструирования реальности и феминистской критике классического научного знания.

Целями гендерных исследований в социальной психологии можно считать: 1) изучение закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных их принадлежностью к различным социальным группам, образованным по критериям пола и сексуальности; 2) анализ психологических характеристик («личности») представителей этих групп в связи с их социальным статусом как внутри гендерной группы, так и в рамках более широкой социальной структуры.

В рамках социально-психологического исследования важно не просто отметить различия в личностных характеристиках представителей различных гендерных сообществ или остановиться на анализе механизмов формирования специфических личностных черт. Необходимо установить, почему у представителей той или иной гендерной группы сформировались именно такие, а не иные специфические черты, в какой мере они зависят от характеристик группы, к которой принадлежат эти люди, и условий, в которых находится их группа принадлежности.

Литература

- В.В. Абраменкова, «Половая дифференциация и межличностные отношения в детской группе», *Вопросы психологии*, № 5, 1987, с. 70-78.
- Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, «Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования», *Российский гендерный порядок: социологический подход*. Коллективная монография, под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной (СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С-Петербурге, 2007), с. 9-33.
- И. Жеребкина, «Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности», *Введение в гендерные исследования*. Ч.1, под ред. И.А. Жеребкиной (Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001), с. 49-79.
- О. И. Ключко, «Отечественный вариант гендерных исследований», *Общественные науки и современность*, 2007, № 4, с. 172-176.
- Т. де Лауретис «Американский Фрейд», *Гендерные исследования*, № 1, 1998.
- Ю.П. Платонов, *Основы социальной психологии* (СПб.: Речь, 2004).
- Е. Ярская-Смирнова, «Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе» *Введение в гендерные исследования*. Ч.1, под ред. И.А. Жеребкиной (Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001), с. 17-48.

- S. L. Bem, *The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality* (Yale University Press: New Haven and London, 1993).
- M. A Crawford, «Reappraisal of Gender: An Ethnomethodological Approach», *Feminism & Psychology*, 2000.
- H. Garfinkel, *Studies in ethnomethodology* (Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall, 1967).
- E. Goffman, «Gender Display», Lemert C., Branaman A., eds. *Goffman Reader* (Oxford, UK: Blackwell Publ.), p. 201-208.
- S.J. Kessler, W. McKenna, «Gender Construction In Everyday Life: Transsexualism (Abridged)», *Feminism & Psychology*. 2000 SAGE (London, Thousand Oaks and New Delhi).